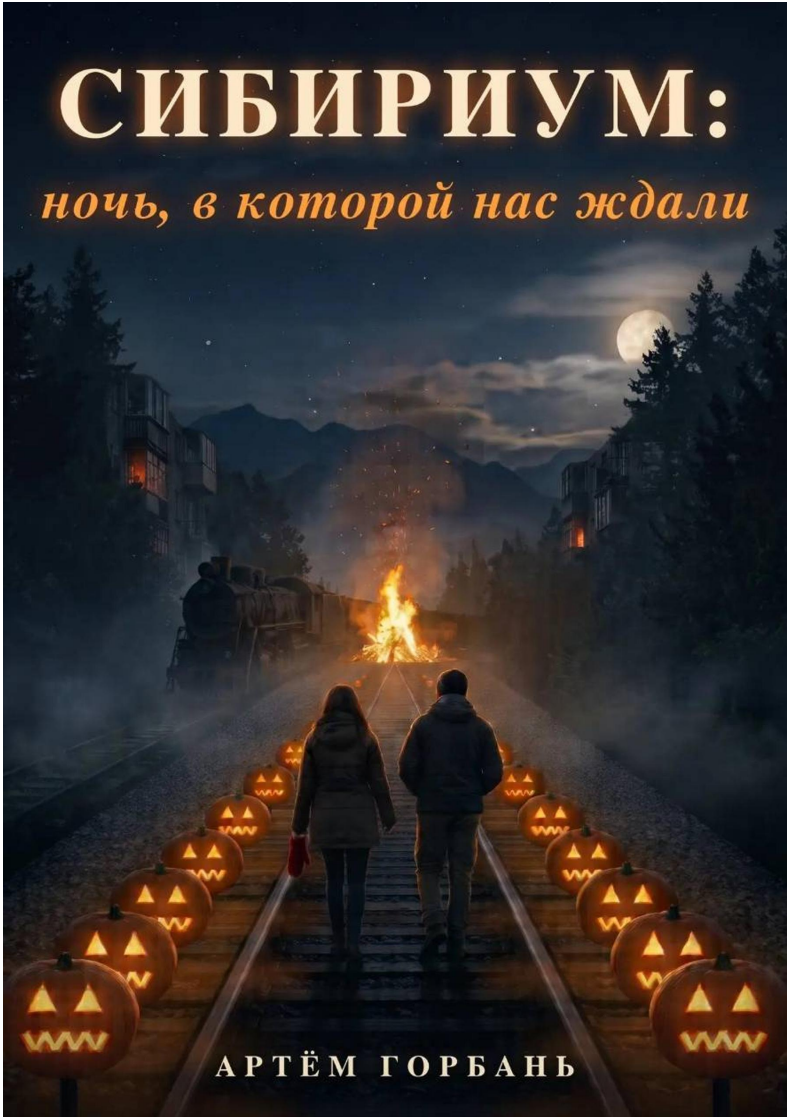
СИБИРИУМ:

ночь, в которой нас ждали

АРТЁМ ГОРБАНЬ

Артём Горбань

Сибириум: ночь, в которой нас ждали

https://litres.ru/74824959
SelfPub; 2026

Аннотация

Вера разбирает бабушкину квартиру, сосед Гришка таскает коробки за пиццу. В шкафу они находят берестяную коробку с игрой «Сибириум» и решают сыграть один раз. Один ход.

Игра переносит их на станцию, где вместо фонарей горят тыквы, а из вагона выглядывает Полуночница. Дальше их ждут плацкартный поезд без конца, посёлок с кострами в пустых квартирах, чёрная река, которая ничего не отражает, и комбинат, перерабатывающий ночь. За каждый шаг в этой игре приходится платить: памятью, голосом, временем. В конце ночи герои попадают на пир, где правило одно: кто вкусил пищу мёртвых, тот остаётся. А начатое надо доводить до конца.

История в семи главах, написана в рамках литературного конкурса.

Содержание

Предисловие 4
ГЛАВА 1: Сибириум: Тайга-Сортировочная 5
ГЛАВА 2: Бесконечный плацкарт 16
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Сибириум: ночь, в которой нас ждали

Предисловие

Эта история написана для литературного конкурса «Шторм». И я не ждал, что он так меня затянет. Было страшно начинать и грустно заканчивать. Если после прочтения останется хоть немного того, что я чувствовал, пока писал, значит, всё было не зря.

ГЛАВА 1: Сибириум: Тайга-Сортировочная

Бабушкину квартиру на Красном проспекте продавали в спешке, поэтому и разбирали в спешке: хлам в мешки, посуду соседке, книги в коробки. Вера Ильинична Крылова, тридцать восемь лет, старшая медсестра реанимации, делала это так же, как делала всё остальное. По списку и без разговоров.

Гришка Шутов разговоры любил. Ему было двадцать, он учился на третьем курсе и жил этажом выше бабушки, а коробки таскал за пиццу и потому что больше никто не согласился. Вера знала его с тех пор, как он бегал по лестнице с соплями до подбородка и выкрикивал всё, что слышал по телевизору. Потом была первая гитара под окнами, потом первая пересдача. Гришка считал Веру самым надёжным человеком в доме и вслух этого не говорил, что для него было почти подвигом.

Он вытащил из шкафа граммофон и поднёс к окну.

— Вера Ильинична, тут граммофон. Ну чисто граммо-

фон! Бабушка ваша, Анна Степановна, на нём «Подмосковные вечера» гоняла, я сквозь пол слышал.

— В мешок.

— Он не лезет в мешок.

— Тогда на лестницу.

— Жестоко вы, чисто жестоко.

Под кроватью, за чемоданом с зимними одеялами, нашлась коробка. Берестяная, размером с хороший том энциклопедии, перевязанная бечёвкой в три узла: тот, кто завязывал, явно не хотел, чтобы её открывали. На крышке было выжжено одно слово: СИБИРИУМ.

Гришка сел на пол прямо там, где стоял.

— Это ж игра. Вера Ильинична, это игра!

— Это коробка.

— Внутри игра!

— Внутри пыль.

Внутри была игра. Полотняное поле, сложенное вчетверо, и по нему змеёй шла нарисованная железная дорога с остановками, названий которых Вера не знала. Две желтоватые костяные кости. Шесть латунных фишек, до блеска затёртых чьими-то пальцами. А на обратной стороне крышки был приклеен листок в клеточку, и почерк Вера узнала сразу: бабушкин, с длинными хвостами у буквы «р».

«Играть вдвоём. Начатое доводить до конца. Если станет страшно, всё равно доводить».

Вера прочла это дважды и положила листок обратно.

Гришка тем временем уже расстелил поле на голом матрасе и выстраивал фишки в ряд.

— Один раз сыграем, а? Пока пицца едет. Вер Ильинична, ну это ж память.

— У нас восемь коробок.

— Будет девять. Один ход, чисто символически!

Она посмотрела на листок ещё раз. «Доводить до конца». Этой фразой бабушка тридцать лет выгоняла её на уроки, на

дежурства, на всё, что не хотелось. Вера села на край кровати.

— Один ход.

Фишки выбирали молча. Гришка взял ту, что со сколотым краем, окрестил её Бойцом и поставил на первую станцию. Вера взяла гладкую, тёплую, будто её только что выпустили из кулака. Первая станция называлась «Подъезд». Дальше шли «Разъезд-7», «Тайга-Сортировочная» и ещё что-то мелким почерком, которое она читать не стала.

— Кидайте вы. У меня руки холодные.

Кости стукнулись о матрас, подпрыгнули и легли: шесть и шесть. Что-то щёлкнуло, как язычок замка, и обе фишки, Гришкина и её, без всякой помощи поползли по нарисованной дороге и встали на третьей станции.

— Видели? Они сами поехали!

— Матрас неровный.

— Вера Ильинична, это чисто не матрас!

За окном, ещё минуту назад серым, ноябрьским, вдруг

стало черно, как в печной трубе. Под полом, откуда-то издалека, поднялся низкий гул, будто к дому шёл тяжёлый состав. Задребезжали стёкла. Потянуло сквозняком, и в нём было всё сразу: сырая земля, сладкая печёная мякоть и дымок, какой бывает на даче в конце октября, когда жгут ботву. Полотно на матрасе зашелестело и поползло из-под фишек, а потом комнату залило светом, таким слепящим, что Вера успела только вцепиться Гришке в рукав.

Игра началась.

Когда она открыла глаза, под ботинками хрустел гравий.

Станция. Длинный низкий перрон из потемневших досок, а может, и не перрон вовсе, просто насыпь. Туман стоял такой густой, что рельсы уходили в него шагов через десять и не возвращались. Там, где положено стоять фонарям, вдоль путей торчали колья, и на каждом сидела тыква. Выдолбленные, с косыми прорезями вместо глаз, они горели изнутри ровным оранжевым огнём, без дрожи, не как свечи, а как что-то живое, давно решившее не гаснуть. Десятки, до самого тумана. Над крышей вокзальчика висела табличка, и серой краской на ней было выведено: ТАЙГА-СОРТИРОВОЧНАЯ. Ниже, мелом и наспех: «Стоянка десять минут».

Пахло дымом и печёной тыквой.

Гришка стоял с открытым ртом и сжимал в кулаке что-то маленькое и металлическое.

— Так, — Вера обвела взглядом перрон медленно, как палату на обходе. — Без паники. Дыши.

— Мы в подъезде были. В подъезде! А тут чисто тайга! Это что, мы умерли?

— Не болтай.

— Я не болтаю, я анализирую. Вера Ильинична, а если это такая ситуация, когда человек…

— Дыши, я сказала.

Состав стоял на втором пути. Тёмно-зелёные вагоны с облезлыми номерами на боках, окна изнутри затянуты инеем. Паровоза впереди не было, только туман. Ни в одном окне не горело ни огонька, кроме третьего вагона: дверь там была распахнута, и оранжевый свет лился из неё прямо на гравий. А в окне напротив двери сидела женщина.

Полуночница. Вера поняла это не головой, а тем нижним местом, где у людей хранится память о детских страшилках:

бабушка пугала ею, когда шестилетняя Вера отказывалась спать. Белая рубаха до пят, тёмные волосы до пояса, узкое усталое лицо человека, который не спал много лет. На коленях она держала тыкву. Маленькую, с некрупную кошку, выдолбленную до тонких стенок. В прорезях тлели угли. Женщина качала её, как качают младенцев, прижав к груди, и тихо тянула что-то без слов, на одной ноте.

Гришка присвистнул и тут же осёкся. Вера не двигалась. Её правая рука, не спросясь у головы, нырнула в карман пальто и сомкнулась на чём-то мягком и совсем маленьком. Доставать это наружу Вера не стала. Просто держала.

Женщина подняла голову.

— Припозднились, касатики. Ишь, припозднились. А я сижу, угольки берегу, чтоб не остыли.

— Мы это… — Гришка попытался улыбнуться. — Мы случайно. Мы вообще по делам.

— Все по делам. Билетики-то в руках держите.

Он разжал кулак. Фишки там уже не было, лежал жёлтый картонный билет с дыркой от компостера: «Вагон 3. Места 7 и 8».

Вера смотрела мимо билета. Она смотрела на тыкву.

— Что у вас там?

— Тут-то? — Полуночница погладила круглый бок. — Баюкаю. Всё баюкаю, а не спит. Тихонько надо, не разбудить бы. Послушаешь, голубка? Я тихонько спою.

— Нет.

Вышло слишком громко. Вера сама это услышала, отвернулась к тыквам вдоль путей и стала их считать, потому что считать было легче.

Гришка, который умел заболтать любую тишину, на этот раз не стал. Он просто подошёл и встал рядом плечом к плечу, как стоят в очереди в поликлинике: молча и не мешая.

Потом он всё-таки сбегал проверить. Ушёл в туман шагов на двадцать и вернулся с другой стороны, прямо к тому же вагону, белый, как простыня.

— Там одно и то же. Куда ни иди, обратно приходишь. Вер Ильинична, они ж над нами издеваются.

— Не они.

Она достала из другого кармана сложенное поле. Откуда оно там взялось, Вера спрашивать не стала. Две латунные точки на нарисованной дороге стояли у станции «Тайга-Сортировочная», а дальше линия бежала за край полотна и там обрывалась. На обороте не было ничего, но Вера и так знала, что там написано.

— Бабушка ваша тоже здесь была, — Гришка заглянул ей через плечо. — Да? Вот это вот всё…

— Была.

— И что?

— Не знаю. — Вера сложила поле. — Начатое доводят до конца.

Над перроном густо и протяжно загудело, и все тыквы разом моргнули, как будто их потушили на миг и снова зажгли.

— Пора, пора, — Полуночница отодвинулась от окна, давая дорогу. — Поезд ждать не любит. Он и так ждал, двадцать лет ждал. Нюрка ваша на третьем ходу встала, а вы вон как далеко ушли.

— Двадцать лет, — повторил Гришка шёпотом. — Это ж как я родился.

— Идём.

Вера поднялась в тамбур первой. Поручень был ледяной, ступенька пружинила, как на старых электричках. Она прошла мимо окна, не глядя на тыкву, но, проходя, услышала, как та тихо, на одной ноте, затянула своё. И Вера, которая всегда, всегда успевала заткнуть уши раньше, чем доходило до слов, на этот раз не стала.

Гришка пыхтел сзади.

— Вера Ильинична, а чисто если мы не доедем?

— Доедем.

— Откуда вы знаете?

— Не знаю. Идём на седьмое место.

Двери закрылись сами. Состав тронулся без толчка и без паровоза, и за окном потянулись тыквы, одна за другой, и каждая смотрела вслед своими косыми прорезями. На месте

семь оказалось теплее, чем бывает на чужом месте. В кармане хрустнул билет.

Где-то в дальнем конце вагона кто-то тихо смеялся. Или баюкал.

Игра продолжалась.

ГЛАВА 2: Бесконечный плацкарт

Вагон оказался плацкартным. Вера поняла это раньше, чем огляделась, по запаху: варёные яйца, старые носки, чай с лимоном, а поверх всего что-то хвойное и нездешнее, как будто пихту срубили только что и не в том лесу. Под потолком вместо плафонов сидели маленькие тыквы, каждая со своей кривой улыбкой, и по лакированным полкам гуляли оранжевые пятна. Было жарко и душно, как бывает зимой, когда окна закрыты наглухо и никто не собирается их открывать.

Места тянулись в обе стороны. Нижние, верхние, боковушки с жёлтыми номерами, нарисованными по трафарету. Своё седьмое и восьмое они нашли не сразу: от тамбура пришлось отсчитать сорок шагов. Вера по привычке оглянулась проверить, сколько вагонов осталось позади, и увидела только коридор, который уходил назад так же, как и вперёд, в полумрак, где матрасы, ноги в шерстяных носках и жёлтый свет сливались в одну длинную линию.

Гришка сходил на разведку и вернулся минут через десять.

— Вера Ильинична, он не кончается. Я дошёл до триста двенадцатого места, потом до шестьсот сорокового, а потом перестал считать, потому что там дед в тулупе спросил, не мой ли это сон. Я сказал, что не мой.

— Правильно.

— А чей тогда?

— Не выясняй.

Пассажиры спали или делали вид. На верхней полке храпел кто-то в тулупе, и из-под тулупа свисал рыжий лисий хвост. Напротив женщина в платке прижимала к себе корзину с мухоморами, накрытую белой салфеткой, как пироги. Дед с бородой из зелёного мха сидел над шахматной доской, фигуры двигались сами, а он только вздыхал и подпирал щёку. С верхней боковой свисала рука, длинная и серая, без ногтей, и мерно отбивала пальцами ритм колёс. Никто не смотрел на новеньких, и это было хуже, чем если бы смотрели.

По проходу двигался светильник. Именно так Гришка и решил про него думать, потому что другого слова не нашёл. Круглая тыква на тонких сухих ветках в ушанке с одним завязанным и одним отвисшим ухом. Свет лился из прорезей,

и по стенам скакали тени. На подносе звенели стаканы в подстаканниках. Пахло болотом и клюквой.

— Эль! Ведьмин эль, горяченький! — гудело в нём, как в бочке. — Болотная клюква, лунный сахар, угу-угу! Не стесняемся, пока проводник не пришёл, пока всё за счёт заведения!

— Вера Ильинична, халява, — Гришка уже тянул руку. — Я возьму.

Он ухватил подстаканник за железную ручку, и ладонь точно сунули на печную заслонку. Гришка взвыл, стакан грохнулся об пол и покатился, расплёскивая красное, а подстаканник пропел на весь вагон, как колокольчик.

— Ай, чтоб тебя! Горячий!

— Железо, хозяин, железо, — вздохнул светильник и поднял стакан тремя ветками-пальцами, прихватив за одно стекло. — Самайн нынче. В такую ночь железо живых не любит, а живые не любят железо. Хватай за стеклышко, и всё хорошо. Угу-угу.

Вера перехватила Гришкину руку и повернула к свету. Поперёк ладони горела красная полоса.

— Первая степень. Жить будешь. Железа не трогай.

— А я что, трогаю?

— Уже потрогал.

Колёса вдруг стукнули реже, как сердце перед тем, как остановиться. В дальнем конце вагона хлопнула дверь тамбура, и по проходу пошли шаги, тяжёлые, ровные, по одному на каждую доску. Рука на верхней боковой перестала отбивать ритм. Фигуры на шахматной доске замерли, дед спрятал бороду в воротник. Женщина с мухоморами прикрыла корзину ладонью.

— Граждане пассажиры. — Голос был казённый и скучный, из тех, что объявляют остановки в три часа ночи. — Билеты приготовили. Билеты приготовили, не задерживаем.

Он шёл не торопясь. Высокий, в форменной тужурке с позеленевшими пуговицами, в фуражке с кокардой в виде солнца без лучей. Лицо серое, длинное, с усами, как у человека, который тридцать лет проработал на железной дороге и не нажил за это ни одного друга. Левый глаз у него был водянистый и жёлтый, как у старой собаки. На месте правого зияла пустая глазница, и в ней тлел оранжевый огонёк, ров-

но, как уголёк на ветру. В руке он нёс компостер, железный, с рукоятью, обмотанной синей изолентой.

— Лихо, — выдохнул Гришка. — Вера Ильинична, это же Лихо Одноглазое, мне бабушка рассказывала…

— Тихо.

Проводник остановился у седьмого и восьмого, и огонёк в глазнице качнулся, уставившись на обоих сразу.

— Билеты.

Гришка полез в карман и вытащил горсть. Он посмотрел на ладонь, потом на Веру, потом снова на ладонь.

— Тут это… семечки.

— Вижу, что семечки.

— Они были билетом! Жёлтый, картонный, с номером вагона. Нам женщина с тыквой на перроне выдала!

Вера молча раскрыла свою ладонь. Там лежали такие же семечки, тыквенные, ещё тёплые.

— Билет до порога, — проводник говорил так, будто зачитывал расписание. — На перроне выдают посадочный. Он действует, пока нога на подножке. Проезд оплачивается отдельно. Так что у вас, граждане, безбилетный проезд. Статья простая.

— Мы по игре, — Гришка вскочил, ударился макушкой о верхнюю полку и сел обратно. — Короче, у нас такая настольная, «Сибириум». Мы кинули кости, и нас сюда перенесло. Я сам не въехал, но Вера Ильинична подтвердит, она не врёт, у неё работа такая…

— Игра, — повторил проводник.

— Игра!

— Двадцать три года на этом маршруте, гражданин. Каждый второй с игрой. Один с картами, другой с шашками, третий с кубиком. А потом оказывается, что просто денег нет.

Огонёк в глазнице вдруг раздулся, будто в него дунули. По вагону прошла дрожь, зазвенели стаканы, а у Гришки на груди вспыхнула молния куртки. Каждое звено раскалилось докрасна, по зубчикам побежали искры. Он дёрнулся, схватился за грудь и тут же отдёрнул пальцы.

— Горячо! Вера Ильинична, она горячая! Я её не могу снять, я её тронуть не могу!

— Не тронь.

Вера хотела подойти, но пальто потянуло её вбок, будто в левый карман налили свинца. Ключи. Те самые, от бабушкиной квартиры, которые в понедельник надо было отдать риелтору. Связка тянула вниз так, что плечо поехало, и даже сквозь ткань чувствовался жар.

Проводник наклонился. От него пахло углём и холодным железом, огонёк оказался совсем рядом.

— Безбилетные у нас двух видов. Одних сдаём на станции Волчья. Там Дикая Охота стоит, ждёт третий век, и интерес у неё к безбилетным особый. Других в котёл. — Он ткнул компостером в дальний конец вагона, где в щели служебной двери краснело. — Растопка заканчивается. Что выбираем?

— А третий вариант есть? — сглотнул Гришка.

— Есть. Платите.

— Заплатим. — Вера встала, держась за полку, потому что пальто перекосило. — Чем принимаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.